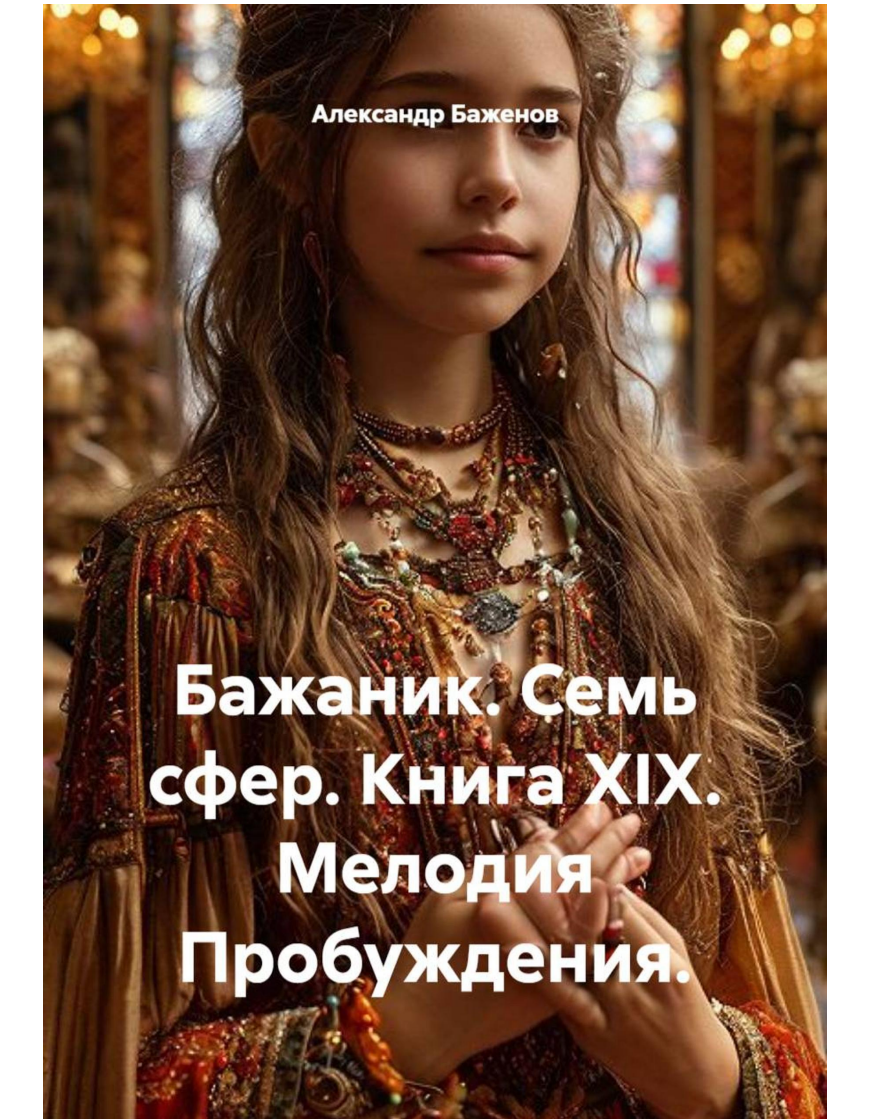

Александр Баженов

**Бажаник. Семь
сфер. Книга XIX.
Мелодия
Пробуждения.**

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга XIX. Мелодия Пробуждения.

<https://litres.ru/74278712>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира Бажаник, дочь Артёма и Алисы, просыпается от внутренней ноты — «Си» четвёртой октавы, частота Сахасрары. Её голос не просто красив — он способен напрямую воздействовать на семь сфер слушателей, исцелять душевные раны и пробуждать забытую гармонию. Слепой музыкант Арон опознаёт в девушке носительницу одной из семи нот Изначального Аккорда, и Мира отправляется на Международный Песенный Турнир «Сияние» в Вену.

Под сводами старинных залов собираются семеро юных певцов из семи стран — каждый со своей нотой и камнем-талисманом. Им предстоит не просто состязаться: древний ритуал сбора Аккорда должен возродить Первого Певца и обновить гармонию мира. Но за кулисами Турнира плетёт интриги Теневая Гармония — падшие Хранители Звука во главе с Маэстро Безмолвия, чья цель — обратить творение в вечную тишину.

От лабиринта отражений Шёнбрунна до Камеры Абсолютного Безмолвия, от дуэли с украденным голосом до финала в Золотом зале Музикферайна.

Содержание

Глава 1. Нота, рождённая тишиной	5
Глава 2. Турнир «Сияние» и первые созвучия	6
Глава 3. Теневая Гармония и первый конфликт	7
Глава 4. Лабиринт отражений и камень памяти	8
Глава 5. Собор Святого Стефана и Сфера Воли	9
Глава 6. Венская опера и дуэль голосов	10
Глава 7. Зал Моцарта и Ткачиха Снов	11
Глава 8. Финал в Музикферайне	12
Глава 9. Возвращение в Ольховку	13
Глава 10. Школа Звука	14
Глава 11. Симфония Мира (Эпилог)	15
Предисловие автора	16
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Бажаник. Семь сфер. Книга XIX. Мелодия Пробуждения.

Глава 1. Нота, рождённая тишиной

«В начале была Тишина. И Тишина эта была не пустотой, а обещанием. Обещанием, что однажды прозвучит первый звук — и всё изменится. Каждый ребёнок, рождающийся в мир, приносит с собой отголосок этого первого звука. Нужно только услышать. Нужно только настроиться. Нужно только не побояться запеть».

Из «Книги Акаши», том «Изначальный Аккорд», с пометкой Мариш Бажаник

Мира просыпается от внутренней ноты — «Си» четвёртой октавы, частоты Сахасарары. Пчёлы, дуб, колокола — всё резонирует с ней. Слепой музыкант Арон опознаёт в девочке носительницу одной из семи нот Изначального Аккорда. Турнир «Сияние» в Вене — не просто конкурс, а древний ритуал сбора. Мира, её родители и Обсидиан отправляются в путь.

Глава 2. Турнир «Сияние» и первые созвучия

«Музыка — это искусство, которое находится ближе всех к слезам и к смеху. Ибо она не нуждается в словах, чтобы передать то, что словами передать невозможно. И когда два голоса, настроенные на одну волну, встречаются в аккорде — это не просто созвучие. Это узнавание. Это встреча двух душ, которые когда-то были одной».

Иоганн Вольфганг фон Гёте, в пересказе Арона

Вена открывается Мира как город двух слоёв — обычного и Акашического, населённого Моцартами-эхо и Бетховенскими тенями. В первом туре она знакомится с шестерыми носителями остальных нот: Лейлой, Матео, Акирой, Фрейей, Кваме и Софией. Их голоса — живая магия. Ночью происходит первое нападение Теневой Гармонии.

Глава 3. Теневая Гармония и первый конфликт

«Диссонанс — это не отсутствие гармонии. Это гармония, которая ещё не нашла своего разрешения. Так и зло: это добро, которое забыло свою мелодию. Задача целителя — не уничтожить диссонанс, а вернуть его в тональность».

Из трактата «О звуке и тишине» Хранителей Акаши

Носители делятся своими историями — боли, потерь, обретения дара. Утром они впервые пробуют спеть вместе, и рождается Аккорд, очищающий орган Брукнера от фальшивой ноты. Вечером Маэстро Безмолвия наносит удар: Диссониты, Скрижали и Вой Бездны атакуют в фойе. Объединённый Аккорд отражает атаку. Маэстро отступает, но обещает вернуться.

Глава 4. Лабиринт отражений и камень памяти

«Память — это не архив. Это музыка, которая продолжает звучать после того, как умолкли инструменты. Ибо то, что мы помним, — это и есть наша истинная песня».

Мария Васильевна Бажаник, из дневника

Второй тур — в Зеркальном Зале Шёнбрунна. Мира не может петь: страх глушит её голос. Обсидиан и Арон ведут её в Лабиринт Отражений под залом, где обитает Мнемозина Звука. Там Мира переживает воспоминания Моцарта, Бетховена и девочки из гетто, встречает свою тень и принимает её. Из Лабиринта она выходит с лунным селенитом — «Слезой Мнемозины» — и поёт так, что зеркала сияют радугой.

Глава 5. Собор Святого Стефана и Сфера Воли

«Воля — это не громкий приказ. Воля — это тихая нота, которая звучит в самом центре твоей души и говорит: „Встань. Спой. Даже если никто не услышит“».

Павел Андреевич, из наставлений, записанных Мирой

Маэстро похищает Акиру и запирает его в Камере Абсолютного Безмолвия — древнем творении Сайленса. Носители и союзники спускаются в крипту Собора Святого Стефана. Артём, Алиса и Обсидиан сражаются со Скрижалями; Алиса получает удар по Вишудхе и теряет голос. Павел Андреевич дистанционно учит носителей беззвучному волевому пению. Мира поёт ноту «Си» сквозь тишину, и Акира, услышав её сердцем, разбивает Камеру изнутри.

Глава 6. Венская опера и дуэль голосов

«Гнев — это тоже музыка. Это огонь, который сжигает, но который может и согреть — если направить его в правильное русло. Проблема не в гневе. Проблема в том, что мы не умеем его петь».

Из беседы Миры с Екатериной

Полуфинал. На сцену выходит Какофон — юноша, чей голос украден Маэстро и заменён фальшивой нотой. Его пение сеет хаос и ненависть. Мира, используя Зеркальную Сферу и поддержку остальных носителей, вступает в дуэль. Она видит за какофонией мальчика Габриэля из церковного хора. Аккорд вырывает фальшивую ноту, и Габриэль обретает истинный голос — «Си-бемоль», ноту прощения.

Глава 7. Зал Моцарта и Ткачиха Снов

«Сон — это музыка, которую мы слышим, когда закрываем глаза. Не пытайся запомнить такую мелодию. Просто позволь ей звучать внутри. Когда придёт время, она сама напомнит о себе».

Архитектор Снов

Ночь перед финалом. Архитектор и Маара проводят Миру в Акашу — в Зал Моцарта, где Ткачиха Снов (Клото) прядёт нити мелодий. Она показывает Мире историю Алессио и Эйры: великая любовь, жертва, падение в тишину. Лахесис открывает, что осколки песни Эйры хранятся у семи Защитников. Чтобы исцелить Маэстро, Мира должна собрать их воедино. Атропос благословляет её.

Глава 8. Финал в Музикферайне

«Семь нот. Семь цветов. Семь сфер. Семь душ. Когда они сливаются в одну — рождается не просто аккорд. Рождается мир».

Из древнего свитка Акаши

Золотой зал Музикферайна. Семеро носителей, семь Защитников, семь даров — всё сливается в Аккорд. Первый Певец возрождается. Маэстро Безмолвия наносит последний удар: Оркестр Безмолвия атакует, но союзники — Артём, Алиса, Обсидиан, Сайленс, Септимус, все Защитники — встают на защиту. Мира поёт песню Эйры — «Си-бе-моль» прощения, — и Маэстро (Алессио) вспоминает, кто он. Его лёд тает. Он прощён и уходит в монастырь учиться слушать.

Глава 9. Возвращение в Ольховку

«Дом — это не место. Дом — это аккорд. И когда ты возвращаешься домой, твоя нота находит свою тональность, и всё вдруг начинает звучать правильно».

Мария Васильевна Бажаник

Мира и её друзья прощаются с носителями и возвращаются домой. Ольховка встречает её колокольным звоном и объятиями. Сад поёт для неё. Шорохов дарит свой старый хирургический камертон. В разговоре с Обсидианом Мира осознаёт: её путь — учить. Над дубом загорается двадцатое кольцо — музыкальное.

Глава 10. Школа Звука

«Исцелять можно по-разному. Но самый короткий путь к душе лежит через музыку. Потому что душа — это и есть музыка, просто мы забыли об этом».

Анна Степановна

Открытие Школы Звука в Ольховке. Мастер-классы шестерых носителей: Лейла учит корневому пению, Матео — эмоциональному освобождению, Акира — волевому звуку, Фрейя — сердечным колыбельным, Кваме — правдивому ритму, София — интуитивной импровизации. История Ивана Семёновича, потерявшего речь после инсульта и вернувшего её через пение. Разоблачение и исцеление Ирмы — бывшей шпионки Маэстро. Отчётный концерт: поют все.

Глава 11. Симфония Мира (Эпилог)

«Каждый человек — это нота. Каждая жизнь — это мелодия. А вместе мы — симфония, которую Бог пишет на нотном стане вечности. И наша задача — не сфальшивить. А если сфальшивим — взять следующую ноту и исправить диссонанс гармонией».

Мира Бажаник

Прошёл год. Первый Фестиваль Пробуждения в Ольховке. Собираются все: носители, Защитники, союзники, ученики, духи, даже Алессио (через весть). Алиса дарит картину «Симфония» — живую астральную фотографию всех участников. Мира и весь зал исполняют «Симфонию Мира» в семи частях. Первый Певец сходит по Звучащей Радуге, и среди душ, идущих к свету, Мира видит Эйру и Марию Васильевну Бажаник. Картина оживает, её свет разливается по миру, творя маленькие чудеса. Над дубом загорается двадцать второе, всецветное кольцо. Эпилог: несколько лет спустя к Мире приходит новый ученик, и она даёт ему свой камертон. Музыка продолжается.

Предисловие автора

Дорогой читатель!

Девятнадцатая книга — о музыке. О той музыке, которая звучит не снаружи, а внутри. О семи нотах, которые соответствуют семи сферам. О голосе, который может исцелять — если он поёт правду. И о том, что каждый человек — это песня, ожидающая, чтобы её спели.

Мира выросла. Из девочки, вернувшейся с Порога, из подростка, чья душа помнит холод Коцита и тепло родительских рук, она стала молодой женщиной, которая знает цену тишине и силу звука. Её дар — не просто красивый голос. Это способность резонировать с душами других. Слышать тех, кого не слышит никто. Возвращать голос тем, кто его потерял. В этой книге она впервые выходит в большой мир — на Международный Песенный Турнир «Сияние», где под маской состязания скрывается древний ритуал собирания Изначального Аккорда. Ей предстоит встретить шестерых носителей других нот, сразиться с Теневой Гармонией — падшими Хранителями Звука, — и пройти через испытания, которые заставят её не только петь, но и понять, ради чего она поёт.

Но эта книга — не только о Мире. Она о каждом из нас. О том, что у каждого есть своя нота, свой тембр, своя песня. О том, что страх можно спеть — и он отступит. Боль можно

пропеть — и она станет легче. Обиду можно выплакать в мелодию — и она превратится в прощение. Мы живём в мире, полном шума, и часто не слышим собственного голоса. А он есть. Он всегда есть. Просто нужно остановиться, замолчать и прислушаться.

В этой книге, как и в предыдущих, звучат голоса друзей и пациентов, учеников и учителей. Вы встретите знакомых героев — Артёма и Алису, которые, как всегда, рядом с дочерью; Обсидиана, бывший Хаос, а ныне Восьмой Элемент и лучший друг Миры; Анну Степановну, чьи голыши по-прежнему замыкают беду; слепого музыканта Арона, который слышит мир глубже зрячих; и многих других. А также познакомитесь с новыми — юными певцами из Ирана, Аргентины, Японии, Швеции, Ганы и Франции, чьи голоса несут шесть нот Изначального Аккорда.

Эта книга — о том, что гармония невозможна без диссонанса. Что даже самая глубокая тишина — не враг, а пространство для новой песни. И что любовь, пропетая в голос, способна растопить лёд, который копился тысячелетиями.

Я писал её, слушая музыку — и ту, что звучит в мире, и ту, что звучит внутри. Если, читая, вы услышите свою ноту — значит, всё было не зря. Пойте. Исцеляйтесь. Делитесь светом.

Живите. Любите. Светите. И слушайте.

Артём Бажаник (автор)

Ольховка, в год, когда зажглось двадцать первое кольцо

Глава 1. Нота, рождённая тишиной

«В начале была Тишина. И Тишина эта была не пустотой, а обещанием. Обещанием, что однажды прозвучит первый звук — и всё изменится. Каждый ребёнок, рождающийся в мир, приносит с собой отголосок этого первого звука. Нужно только услышать. Нужно только настроиться. Нужно только не побояться запеть».

Из «Книги Акаши», том «Изначальный Аккорд», с пометкой Марии Бажаник на полях: «Мира, когда ты прочтёшь это — знай: ты и есть та нота, которую ждали»

Из дневника Миры

Сегодня я проснулась от звука, которого нет. Это странно звучит, правда? Как можно проснуться от того, чего нет? Но я проснулась. Внутри меня, где-то глубоко-глубоко, за грудной клеткой, за сердцем, за всеми словами, которые я когда-либо говорила, — звенит нота. Одна-единственная. Она не громкая. Она как... как если бы звезда научилась петь, но пела бы не для всех, а только для меня.

Я попробовала её напеть. Мама услышала из кухни, пришла и долго стояла в дверях, глядя на меня. У неё было странное лицо — не испуганное, нет. Скорее, узнающее. Как будто она ждала этой ноты шестнадцать лет и наконец дождалась.

— Что это? — спросила я.

— Ты, — ответила она. — Просто ты.

Я не понимаю, что происходит. Но кажется, начинается что-то важное. Что-то, ради чего я возвращалась с Порога.

Мира Бажаник проснулась в пять часов утра — и не от будильника. Будильник молчал, ему ещё предстояло зазвенеть через час. Она проснулась от звука, который шёл не снаружи, а изнутри. От одной-единственной ноты — чистой, высокой, прозрачной, — которая вибрировала где-то в основании черепа, там, где Алиса когда-то показывала ей на схеме Сахасрару, коронную сферу.

Нота не была громкой. Но она была *настойчивой*. Она не требовала внимания — она его приглашала. Как приглашает к столу аромат свежего хлеба. Как приглашает к разговору тишина, когда ты остаёшься наедине с близким человеком и понимаешь, что слова не нужны.

Мира села на кровати и прислушалась. Нота звучала — и вибрировала не только в голове. Она спускалась по позвоночнику, как тёплая вода: от макушки к межбровью (там, где Аджна, синяя сфера воображения), к горлу (Вишудха, голубая сфера голоса), к груди (Анахата, зелёная сфера сердца), к солнечному сплетению (Манипура, жёлтая сфера воли), к животу (Свадхистхана, оранжевая сфера эмоций), к основанию позвоночника (Муладхара, красная сфера корня). И оттуда — в землю, в корни дуба, в воду пруда, в тёплые улыбки Деда Егора.

Она попробовала её напеть. «Си-и-и-и...» — потянула

она, и нота вышла из горла легко, без усилия, словно только и ждала, чтобы её выпустили. Вибрация наполнила комнату, и в тот же миг:

— Стакан на тумбочке зазвенел в ответ — тонко, серебристо, как хрустальный колокольчик.

— За окном, в предрассветных сумерках, проснулся соловей — и запел ту же ноту, только октавой ниже.

— Где-то далеко, на пасеке, пчёлы Деда Егора загудели громче, и их гудение — низкое, басовитое — сложилось с нотой Миры в аккорд.

— А в комнату вошла Алиса, босая, в накинутом на плечи плаще, и остановилась на пороге с таким выражением лица, какое бывает у человека, который много лет хранил секрет — и наконец понял, что время пришло.

— Мам, — сказала Мира, перестав петь. — Что это?

Алиса прошла к кровати, села рядом и взяла дочь за руку. Её пальцы были холодными — она, видимо, долго стояла у окна в мастерской.

— Это твоя нота, — сказала она. — Та, которую ты принесла с собой, когда родилась. Та, которую мы с папой слышали, когда ты лежала в коме, а потом открыла глаза. Та, которую ты пела на Пороге, чтобы вернуться.

— Я не помню, чтобы я пела на Пороге.

— Ты пела не голосом. Ты пела душой. И эта нота — отпечаток твоей души. Сегодня она проснулась. Это значит, что ты готова. К чему — я пока не знаю. Но папа уже связался

с Ароном. Он ждёт нас в полдень.

Мира долго молчала, прислушиваясь к затихающей вибрации внутри. Потом спросила:

— Арон — это тот слепой музыкант? Который помог пробудить Алконост?

— Да. И он сказал, что твоя нота — это «Си» четвёртой октавы. Частота 494 герц. Частота Сахасарары. Частота, на которой поют те, кто стоит на пороге между мирами. Ты стоишь на этом пороге с самого рождения, Мира. Просто сегодня ты впервые это услышала.

Утро в Ольховке начиналось обычно: крик петухов, скрип калиток, запах дыма из труб. Но сегодня к привычным звукам и запахам примешивалось что-то иное. Необычное. Необъяснимое.

Первым заметил Дед Егор. Он вышел на пасеку в шесть утра — и замер с открытым ртом. Его пчёлы, всегда послушные и работающие, выстроились в воздухе необычным узором: они летали не хаотично, а кругами, образуя гигантскую фигуру — **семилучевую звезду**. Каждый луч был одного из цветов радуги — пчёлы, сами того не ведая, собирались в группы по окраске хитина, и эта окраска складывалась в спектр от красного до фиолетового. А в центре звезды, где должна была быть пустота, висела одна-единственная пчела — золотая матка, — и гудела на одной ноте. Той самой. «Си».

— Мать честная, — прошептал Дед Егор, снимая шапку.

— Никак Мира проснулась.

Второй заметила Лорелея. Вода в пруду, всегда спокойная и зеркальная, пошла кругами — ровно семью, один внутри другого. Каждый круг светился своим цветом, и если смотреть сверху, пруд напоминал огромную радужную мишень. В центре, куда сходились все круги, из воды поднялся маленький фонтанчик — и запел. Не зажурчал, а именно запел: тихо, прозрачно, как стеклянная флейта.

Третьим заметил Обсидиан. Он спал в корнях дуба, свернувшись в своей излюбленной форме — чёрного кота с белой звездой на лбу. Но нота разбудила и его. Он открыл глаза — и его зрачки, обычно глубокие и тёмные, как сама Бездна, засияли фиолетовым. Он впервые за долгое время почувствовал вибрацию, которая не была ни угрозой, ни просьбой. Это было *приветствие*. Одна часть Творения узнавала другую.

— Она поёт, — произнёс Обсидиан вслух, и его голос, всё ещё непривычный ему самому, прозвучал с оттенком удивления. — Она поёт, как пел Первый. Только тише. Только... человечнее.

Старый дуб, под которым он сидел, загудел в ответ — низко, басовито. Это была нота «До», частота 256 герц, частота Муладхары. Дуб Офиона всегда отвечал на вибрации корня. Но сегодня он отвечал не Офиону — он отвечал Мире.

А потом зазвонили колокола. Не церковные — в Ольховке церковь стояла заброшенной уже много лет, и колокола её

давно не звенели. Но сегодня они зазвенели сами собой — тихо, приглушённо, словно пробуя голос после долгого молчания. Анна Степановна, проходившая мимо с ведром воды, остановилась и перекрестилась — не от страха, а от благоговения.

— Началось, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Мария Васильевна говорила: «Когда внучка моя запоёт, даже мёртвые колокола проснутся». А я, старая, не верила. А зря.

К полудню в саду собрались все. Не по приказу, не по расписанию — просто пришли. Ученики Школы самоисцеления, жившие в Ольховке, почувствовали странное волнение в сферах и потянулись к дубу, как подсолнухи тянутся к солнцу. Михаил пришёл, оставив хоспис на попечение старшей медсестры. Елена пришла с Ваней, который, едва войдя в сад, сказал: «Мама, тут звенит». Георгий пришёл с гитарой, сам не зная зачем. Павел Андреевич — с неизменным голышом в кармане. Даже Вера, обычно тихая и незаметная, пришла с альбомом для рисования, хотя ещё не знала, что будет рисовать.

Артём стоял у дуба и смотрел на дочь. Он видел её ауру — и не мог оторвать глаз. Обычно аура Миры была мягкой, золотисто-розовой, с лёгкими фиолетовыми проблесками Сахасары. Но сегодня она сияла. Над её макушкой вращался маленький фиолетовый вихрь — точь-в-точь такой, какой Артём видел у себя, когда впервые пробудил коронную сфе-

ру. Но у Миры этот вихрь был не пробуждением — он был раскрытием. Как будто цветок, который спал шестнадцать лет, наконец распустил лепестки.

— Пап, — сказала Мира, подходя к нему. — Мне страшно.

— Мне тоже, — честно ответил Артём. — Мне было страшно, когда я впервые услышал свою ноту. Мне было страшно, когда я впервые активировал сферу. Мне было страшно, когда я спускался в ад за тобой. Страх — это нормально. Страх — это компас. Он показывает, что ты идёшь туда, куда нужно.

— А если я не справлюсь?

— А если справишься? — он улыбнулся. — Ты уже справилась с тем, с чем не справляются взрослые. Ты вернулась с Порога. Ты нарисовала Хаосу его отражение. Ты научила Обсидиана смеяться. Одна нота — это ерунда по сравнению с этим.

Мира хотела ответить, но в этот момент воздух над садом сгустился — и из него, как из складки реальности, вышел Арон.

Слепой музыкант почти не изменился с тех пор, как помог пробудить Алконост. Всё та же скрипка в футляре за спиной, всё тот же длинный плащ, всё те же закрытые глаза, которые, однако, видели больше, чем глаза зрячих. Он опирался на плечо своего спутника — молодого Киннара по имени **Рави**, чьи крылья были сложены под плащом, но золотистые перья

всё равно пробивались сквозь ткань, как солнечные лучи.

— Я слышал твою ноту, — сказал Арон вместо приветствия. Голос его был спокоен, но в нём звучало что-то новое — не тревога, а скорее глубокое, сосредоточенное внимание. — Я слышал её за тысячу миль отсюда. Она разбудила струны на моей скрипке — все четыре зазвенели разом, хотя я к ним не прикасался. Такое бывает раз в столетие. А может, и реже.

Он повернулся к Мире — безошибочно, как поворачиваются к источнику звука, хотя Мира сейчас молчала.

— Девочка, ты знаешь, что такое 494 герца?

— Частота Сахасары, — ответила Мира. — Мама рассказывала.

— Это не просто частота. Это голос тех, кто стоит на пороге. Пророки, святые, великие музыканты — все они слышали эту ноту, когда к ним приходило откровение. Бах слышал её, когда писал «Страсти по Матфею». Моцарт слышал её, когда сочинял «Реквием», и думал, что это ангелы поют ему прощание. Бетховен, уже глухой, слышал её внутри черепа — и записал в «Оде к радости» как ту самую высокую ноту, от которой у слушателей мурашки по коже. Ты — носительница этой ноты. Одна из семи. Последняя. «Си».

— Почему последняя?

— Потому что «Си» — это седьмая нота. Нота завершения. Нота, которая замыкает октаву и возвращает к «До». Без неё гамма неполна, аккорд не звучит, музыка рассыпа-

ется. Мир, в котором мы живём, построен на семи нотах. И сейчас эти ноты звучат вразнобой. Кто-то должен собрать их вместе.

— Я? — голос Миры дрогнул.

— Ты — одна из семи. Остальных шестерых ты встретишь на Турнире. Он называется «Сияние». Он пройдёт в Вене через месяц. И ты должна там быть.

За чаем в доме — Анна Степановна, конечно же, уже накрыла стол, хотя никто её об этом не просил, — Арон рассказал историю, которую Артём и Алиса слышали впервые, хотя, казалось, знали о мире всё.

— Давным-давно, ещё до того, как Офион обвил ось Земли, а Лорелея запела первый прилив, — начал Арон, и его голос приобрёл ту особую напевность, которая бывает у сказителей, — существовал Первый Певец. Его имя не сохранилось — оно слишком древнее, чтобы его могли произнести нынешние языки. Хранители Акаши называют его просто — **Голос**. Он был первым существом, которое нарушило Тишину. Не криком, не шумом — песней. И этой песней он сотворил всё, что есть: свет и тьму, пространство и время, материю и дух. Семь нот его песни стали семью слоями Творения. Семь сфер, которые вы, Бажаники, изучаете, — это эхо тех семи нот.

Он сделал глоток чая и продолжил:

— Когда Голос допел свою песню, он понял, что не может оставаться в творении, не нарушив его. Совершенный

аккорд не терпит посторонних звуков. И тогда он рассыпался на семь нот — семь вибраций, которые разлетелись по вселенной и воплотились в души семи избранных. Не всегда, не в каждом поколении. Только когда миру грозит распад — когда гармония истончается, а Хаос (прости, Обсидиан) пытается просочиться сквозь щели, — семь нот рождаются снова. Они находят друг друга. И поют вместе. И тогда мир обновляется.

— А Турнир? — спросила Алиса. — «Сияние» — это что?

— Турнир — это не конкурс, — ответил Арон. — Это сбор. Древний механизм, созданный Хранителями Акаши. Он проходит раз в сто лет, всегда в Вене — городе, где музыкальная ткань мира особенно тонка. Под видом состязания юных вокалистов Хранители собирают носителей нот. И если все семеро споют вместе, Изначальный Аккорд прозвучит снова — и Голос возродится.

— А если не споют? — тихо спросила Мира.

Арон помолчал. Его слепые глаза, казалось, смотрели куда-то сквозь стены, сквозь сад, сквозь самую реальность.

— Тогда диссонанс усилится. Сферы людей начнут расстраиваться, как расстраивается инструмент, который долго не настраивали. Эмоции станут неуправляемыми. Воля ослабнет. Сердца очерствеют. Голоса лжи зазвучат громче голосов правды. Воображение иссякнет. И связь с космосом — с Сахасарой — прервётся. Мир не умрёт. Но он станет...

глухим.

Повисла тишина. Даже Ваня, обычно непоседливый, замер и смотрел на Арона широко раскрытыми глазами.

— Кто такие Хранители Акаши? — спросил Артём.

— Это те, кто слушает мир, — ответил Арон. — Акаша — это Хранилище Мировых Мелодий, эфирное пространство, где записаны все звуки, которые когда-либо звучали и которые ещё прозвучат. Хранители — не боги. Они — библиотекари. Архивариусы вибраций. Среди них есть те, кто верен свету, и те, кто пал. Павшие называют себя **Теневой Гармонией**. Их предводитель — **Маэстро Безмолвия**, некогда величайший из Хранителей. Он возжелал абсолютной тишины — тишины, в которой нет места даже дыханию. Он считает, что творение было ошибкой, и хочет «исправить» её, погрузив всё обратно в молчание. И если он доберётся до семи нот раньше, чем они споют вместе, — он заставит их замолчать. Навсегда.

— Значит, Турнир — это ещё и поле битвы, — медленно произнёс Артём.

— Да. Но битвы не мечами. Битвы голосами. И победит в ней не самый громкий, а самый чистый.

Вечером, когда гости разошлись, а Арон остался ночевать в доме для гостей (Синга, к его вящему удовольствию, разрешил Киннару Рави устроиться у себя под боком), Мира сидела на крыльце с Обсидианом и смотрела на звёзды.

Нота всё ещё звучала внутри — но теперь она была не тре-

возможной, а успокаивающей. Как сердцебиение друга в темноте.

— Ты боишься, — констатировал Обсидиан. Он не спрашивал — он знал.

— Да.

— Это правильно. Когда я был Хаосом, я тоже боялся. Я боялся, что меня никогда не назовут по имени. Что я так и останусь пустотой. Но меня назвали. И я перестал быть пустотой.

— А вдруг я не справлюсь? Вдруг моя нота — недостаточно сильная?

Обсидиан повернул к ней свою кошачью голову, и его глаза-звёзды мягко засияли.

— Твоя нота вернула тебя с Порога. Она растопила лёд Коцита. Она заставила Шорохова заплакать. Этого недостаточно?

— Это было другое. Тогда я пела для себя. Для мамы с папой. Для жизни. А теперь — для всего мира.

— Нет, — сказал Обсидиан. — Ты и теперь будешь петь для себя. Просто твоё «я» стало больше. Оно включает в себя тех, кого ты встретишь. Тех, кого ты исцелишь. Тех, кто услышит твой голос и вспомнит, что они — не случайность, а часть аккорда. Это не страшно. Это — расширение.

Мира улыбнулась и почесала его за ухом. Обсидиан заурчал — низко, басовито, и в этом урчании слышалась та же нота «Си», только октавой ниже.

— Ты стал очень мудрым для бывшего Хаоса, — сказала она.

— Я учился у лучших, — ответил он.

На следующее утро, перед отъездом, ученики Школы собрались у дуба. Они пришли не с пустыми руками: Анна Степановна, таинственно улыбаясь, вынесла на крыльцо маленький свёрток.

— Это тебе, внучка, — сказала она. — От всех нас. Заряжали всей Школой, по очереди. Семь дней, семь молитв, семь трав.

Мира развернула свёрток. Внутри лежал **камертон** — не простой, а из горного хрусталя, прозрачный, как замёрзшая слеза. На его рукоятке были выгравированы семь лучей — по одному на каждую сферу. А внутри хрусталя, в самой сердцевине, пульсировала крошечная фиолетовая искра — та самая, которую Артём когда-то подарил Алисе, а Алиса передала дочери.

— Когда ударишь по нему, — объяснила Анна Степановна, — он будет звучать на твоей частоте. 494 герца. И этот звук будет слышен нам. Где бы ты ни была, мы будем знать, что ты в порядке. А если замолчит...

— Не замолчит, — твёрдо сказала Мира, сжимая камертон в ладони. — Я не дам ему замолчать.

Она обняла Анну Степановну, потом — каждого из учеников по очереди. Павел Андреевич, неуклюже похлопав её по плечу, сунул ей в карман маленький голыш — брат-близ-

нец того, что носил сам. «Для воли», — буркнул он. Елена подарила ленту для волос, в которую были вплетены семь нитей — по цвету каждой сферы. «Для красоты и защиты», — сказала она. Михаил — маленькую иконку с изображением святой Цецилии, покровительницы музыкантов. «Я знаю, ты не очень верующая, — сказал он, — но Цецилия, говорят, тоже слышала музыку сфер. Пусть она будет с тобой».

И наконец, Алиса и Артём.

— Мы едем с тобой, — сказала Алиса тоном, не терпящим возражений. — Я буду рисовать твои выступления. Папа будет держать защиту. Обсидиан — прикрывать тылы. Мы — команда. И мы не отпускаем тебя одну.

— Я и не сомневалась, — улыбнулась Мира.

Перед тем как сесть в машину (старый «уазик» Михаила, который тот торжественно предоставил «для дела государственной важности»), Мира вдруг остановилась.

— Подождите, — сказала она. — Я хочу спеть. Здесь. Сейчас. Для сада.

Она вернулась к дубу, встала под его кроной и закрыла глаза. Камертон в её руке дрогнул — она легонько ударила им о ствол, и хрусталь запел. Та самая нота. «Си». Частота Сахасары.

И Мира запела.

Это была не колыбельная, которой она убаюкивала Хаос. Не песня-прощение, которую она пела Шорохову. Это была **Песнь Приветствия**— мелодия без слов, состоявшая из

одной-единственной ноты, но звучащая так, словно в ней были все ноты сразу. Она приветствовала дуб. Пруд. Пчёл. Небо. Мать. Отца. Обсидиана. Всех учеников, стоявших с зажжёнными свечами. И саму себя — ту Миру, которая когда-то лежала в коме и не знала, вернётся ли.

И в ответ сад запел.

Дуб загудел басом — «До», корень.

Вода в пруду зазвенела — «Ре», эмоции.

Пчёлы жажужжали — «Ми», воля.

Яблони зашелестели — «Фа», сердце.

Ветер в кронах засвистел — «Соль», голос.

Солнечный свет преломился в паутине — «Ля», воображение.

А над всем этим, в вышине, засияло фиолетовое кольцо — «Си», космос.

Семь нот слились в один аккорд — и над Ольховкой, на одно короткое мгновение, возникла **радуга**. Не после дождя, а посреди ясного осеннего неба. Семицветная, яркая, живая.

— Ну вот, — прошептала Анна Степановна, вытирая глаза. — Поехали.

И они поехали.

«Музыка есть искусство, которое ближе всех подходит к слезам и воспоминаниям. Ибо она не нуждается в переводчике, чтобы говорить с душой напрямую».

Оскар Уайльд

«Камертон — это не просто инструмент для настройки».

Это символ. Когда ты ударяешь по нему, ты спрашиваешь: «Кто я?» И если ты слушаешь внимательно, он отвечает: «Ты — та нота, которую мир ждал с начала времён».

Мария Васильевна Бажаник, из книги «Камни и сферы», глава «Горный хрусталь»

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.